

И. В. ТАРАКАНОВ (г. Ижевск)

УДМУРТСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Историю изучения удмуртских диалектов следует связывать с историей возникновения и становления письменности удмуртского народа, так как первые образцы удмуртской речи в виде отдельных слов и предложений были зафиксированы путешественниками-энциклопедистами Ф. Страленбергом, И. Фишером, Г. Миллером, П. Палласом, П. Фальком и др. еще в начале и середине XVIII века на территории распространения самых различных диалектов и говоров удмуртского языка (Тепляшина 1966б, Тараканов 1981а). В работе Г. Миллера наряду с этнографическим описанием быта удмуртов уже содержится указание на наличие различных диалектов «верхних» и «нижних» удмуртов (Миллер 1791).

Диалектные различия удмуртского языка нашли свое отражение и в переводах церковной и учебной литературы, издаваемых в конце XIX и начале XX веков миссионерскими обществами в Казани и Вятке. В фиксации диалектных текстов в конце XIX века определенный вклад внесли также этнографы и фольклористы, такие как Б. Гаврилов (1880), Н. Первухин (1888—1889), В. Кошурников (1879), Г. Верещагин (1886; 1911), Г. Потанин (1884), И. Смирнов (1890), И. Васильев (1906) и др.

Начало научному изучению удмуртских диалектов было положено во II половине XIX века, и связано оно с развитием и внедрением сравнительно-исторического метода в финно-угроведении, когда в России, Финляндии и Венгрии сложились специальные школы лингвистов, занимавшихся сравнительным изучением всех языков уральской семьи. Среди таких ученых

в России был академик Ф. И. Видеманн (Wiedemann 1858), выделивший по письменным памятникам удмуртского языка 6 диалектов: елабужский, глазовский, малмыжский, сарапульский, оренбургский и казанский.

Начало изучению удмуртских диалектов в полевых условиях положили финские и венгерские ученые Т. Г. Аминофф, Ю. Вихманн и Б. Мункачи. Первый из них — Т. Г. Аминофф, — непосредственно собравший материалы в деревнях Улынгурт, Вужгурт, Норья Татарской АССР и села Якшур-Бодья, составил и опубликовал статью «Образцы удмуртской речи» (Aminoff 1886) и написал небольшое исследование «Эскизы по удмуртской фонетике и морфологии» (Aminoff 1896), которые были опубликованы уже посмертно.

Еще более ощутимых результатов достиг в деле собирания и изучения удмуртских диалектов Ю. Вихманн, дважды побывавший у удмуртов в 1891—92 и 1894 гг. и выделивший в удмуртском языке 9 различных диалектов: казанский, сарапульский, малмыжский, малмыжско-уржумский, елабужский, глазовский, слободский, уфимский и бесермянский. Из-под пера Ю. Вихманна вышли «Образцы удмуртской речи» в двух выпусках (Wichmann 1893, 1901a), «Удмуртская хрестоматия со словарем» (Wichmann 1901b), монографии по фонетике (Wichmann 1915b), лексикологии (Wichmann 1903) и целая серия статей по этимологии слов.

Большой вклад в изучение удмуртских диалектов внес Б. Мункачи, посетивший удмуртов в 1885 году и собиравший диалектные материалы у себя на родине у военнопленных удмуртов, представителей различных диалектов. Собранные материалы Б. Мункачи были опубликованы в виде отдельных сборников (Munkácsi 1887; 1952) и словаря удмуртского языка (Munkácsi 1880—1896).

Усилиями указанных ученых введен в научный оборот огромный фольклорно-лингвистический материал. Основная ценность их заключается в том, что они, в отличие от других собирателей удмуртского фольклора дореволюционного периода, обнаруживали научный подход и добросовестность в регистрации и фиксации языковых фактов тех или иных диалектов. Представленные ими записи транскрибированы и паспортизированы. Опубликованные фольклорно-диалектологические материалы Т. Аминоффа, Ю. Вихманна, Б. Мункачи впоследствии дали возможность финскому ученому Т. Уотиле оперировать 11 диалектами удмуртского языка (Uotila 1933a).

В послереволюционное время, особенно первые 2—3 десятилетия, удмуртские диалекты стали объектом исследования в

связи с созданием литературного языка и унификацией единых норм орфографии. С целью определения диалектной базы удмуртского литературного языка были предприняты практические меры по сбору лексического материала отдельных диалектов. Так, например, в 1919 г. В. Д. Крылов в Вятке выпускает областной диалектологический словарь под названием «Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков». В этом же году в Казани И. В. Яковлев издает сравнительный словарь удмуртских диалектов, в 1932 году был опубликован «Удмурт кыллюкам (Толковый удмуртско-русский словарь)» Т. Борисова, который также можно назвать диалектологическим, так как слова в нем снабжаются пометами, указывающими на диалектную принадлежность. В отличие от дореволюционных и зарубежных исследователей, классифицировавших диалекты по названиям административных единиц, Т. Борисов делит удмуртские диалекты на 4 группы, называя их «северное наречие», «южное наречие», «срединное наречие» и «крайне южное наречие». Следует отметить, что такая классификация диалектов сохранилась вплоть до семидесятых годов. В частности, она нашла отражение в «Удмуртско-русском словаре», изданном в Москве в 1948 году. В первой диалектологической карте удмуртского языка, опубликованной в 1935 году, доцент Удмуртского пединститута С. П. Жуйков удмуртский язык делит также на три диалекта: южный, северный и средний.

С целью определения диалектной базы удмуртского литературного языка проводились и специальные диалектологические экспедиции. В частности, такие выезды были организованы в 1929 и 1930 годах под руководством профессора Д. В. Бубриха и академика Н. Я. Марра. В дальнейшем сбором диалектных и фольклорных материалов стал заниматься Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР, организовавший экспедиции в 1936, 1945, 1947, 1957, 1954, 1960, 1961, 1962 годах. По материалам отдельных экспедиций А. С. Беловым (1937), М. В. Горбушиным (1937), В. М. Вахрушевым (1959), И. В. Таракановым (1964а, 1967а, 1967б) были написаны небольшие статьи, в которых отмечены отдельные специфические особенности говоров удмуртов окрестностей сел Вавож, Селты, Сюмси и городов Можга, Глазов, а также нескольких населенных пунктов Татарской, Башкирской АССР и Кировской области.

В результате проведенных экспедиций был собран весьма значительный и разносторонний (текстовый, словарный, синтаксический, морфологический и фонетический) материал по различным районам Удмуртии с севера до юга и отчасти и за

пределами республики. К сожалению, все эти записи, как и материалы первых двух экспедиций, не обработаны и лежат в рукописном фонде Научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР. К тому же при сборе материалов в большинстве случаев произведена некачественная орфографическая запись, за исключением материалов экспедиции 1960—1962 годов.

Следующий этап изучения удмуртских диалектов, более совершенный, начался в 50-е годы нашего столетия, когда в эту работу включились специалисты, получившие аспирантскую подготовку в академических учреждениях и вузах Москвы, Тарту и Ижевска. Из исследователей данного периода особенно большую работу сделали Т. И. Тепляшина и профессор В. И. Лыткин, составившие еще в 1954—1955 годах специальную программу-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах, который не раз использовался в диалектологических экспедициях, организованных как НИИ при СМ УАССР, так и Удмуртским пединститутом. Ими совместно изучена также особенность глазовского диалекта (Лыткин, Тепляшина 1959). Т. И. Тепляшина подробно исследовала и описала особенности тыловайского (1955), глазовского (1959), шошминского (1961), бесермянского (1970а) диалектов, нижнечепецкого говора северо-удмуртского наречия (1970б) и приижского говора (1973а) срединного диалекта. У Т. И. Тепляшиной имеются многочисленные статьи, написанные на материале ряда диалектов, в которых анализируются различные вопросы фонетики, морфологии и ономастики удмуртского языка. Ею опубликованы также текстовые материалы по отдельным диалектам удмуртского языка (1962, 1969а, 1969б, 1969в, 1970а, 1970б, 1971а, 1971б).

В конце 50-х и начале 60-х годов нами были описаны фонетические особенности бавлинского диалекта (1959а, 1959б) и выявлены некоторые фонетико-морфологические особенности увинско-вавожской группы говоров удмуртского языка (1963), на материале различных диалектов опубликован ряд статей, касающихся вопросов фонетики и лексики удмуртского языка (1964а, 1967а, 1967б).

В эти же годы и позднее Г. А. Архиповым изучены говоры окрестностей сел Малая Пурга, Пычас и Можга (1962, 1978, 1981, 1982).

В конце 60-х и начале 70-х годов удмуртская диалектологическая наука пополнилась новыми именами. Особенно плодотворно работал в этой области В. К. Кельмаков, подробно изучавший кукморский (1968, 1969б, 1969в, 1970, 1971а), татышлинский диалекты (1974б) и кырыкмасские (1977) говоры

южного наречия удмуртского языка. Им опубликована программа и сборник упражнений для проведения практических занятий со студентами УдГУ, выпущен сборник под названием «Образцы удмуртской речи» (1981), проведена также классификация удмуртских диалектов на основе изучения состава гласных фонем различных диалектов (1973б).

В начале 70-х годов Р. Ш. Насибуллиным были изучены удмуртские говоры бассейна реки Буй и Быстрый Танып, распространенные в южной части Пермской области и северо-западной части Башкирии (1972а, 1972б, 1972в, 1972г, 1973а, 1977), а также красноуфимский говор удмуртов Свердловской области (1978). В настоящее время Р. Ш. Насибуллин успешно работает над составлением международного лингвистического атласа Европы.

В конце 60-х и начале 70-х годов объектом исследования были средневожосточные говоры, распространенные в Як.-Бодыинском и Шарканском районах Удмуртской АССР. Описание особенностей указанных говоров С. К. Бушмакин осуществил с использованием экспериментального метода. Поэтому данная работа окажет большую помощь при создании научной описательной фонетики удмуртского языка (1968, 1969б, 1971, 1972).

Вне поля зрения удмуртских диалектологов не остались и прикильмезские говоры, распространенные по реке Кильмезь и ее притокам. Фонетические и морфологические особенности подробно описаны в диссертационной работе и в отдельных статьях Б. Ш. Загуляевой (1978, 1980а, 1980б).

В настоящее время А. А. Алашеевой ведется работа по изучению особенностей причепецких говоров и опубликована статья (1982).

В последние десятилетия удмуртскими диалектологами опубликовано 3 сборника статей под названиями «Вопросы удмуртской диалектологии» (1977), «О диалектах и говорах южноудмуртского наречия» (1978), «Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики» (1983) и три сборника образцов речи удмуртского языка с транскрибированными текстами удмуртского фольклора, снабженными переводами на русский язык (1978, 1981, 1982). К текстам предпослано краткое описание фонетических, морфологических и лексических особенностей различных диалектов.

Вопросы исторической фонетики, грамматики и лексикологии стали объектом специального исследования лишь в конце XIX века. Начало историческому изучению удмуртского языка положили зарубежные ученые. В качестве основного источника для создания удмуртоведческих трудов зарубежных лингвистов

тов использовались, главным образом, фольклорно-диалектологические публикации Т. Аминоффа, Ю. Вихманна и Б. Мункачи, лишь позднее стали привлекаться другие источники, в частности, журнал «Молот» и произведения художественной литературы.

В истории удмуртского языка наиболее разработанной следует считать вопросы исторической фонетики, которые нашли свое отражение в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей.

В области истории гласных звуков наиболее значительными являются работы Ю. Вихманна (Wichmann 1915a), Д. В. Бубриха (1948), А. И. Емельянова (1927), В. И. Лыткина (1952a, 1964, 1970a, 1972, 1973, 1975a, 1975б), Э. Итконена (Itkonen 1954, 1956, 1970), В. К. Кельмакова (1968, 1973a, 1973б, 1975a, 1975б, 1975в, 1975г, 1976), Коренчи (Korenchy 1974). Частные вопросы исторического вокализма и отдельных фонетических явлений освещались также в статьях Б. А. Серебrenникова (1972б), И. В. Тараканова (1960, 1964, 1967a, 1973), Р. Ш. Насибуллина (1972), Р. Хармса (Harms 1967), Т.-Р. Вийтсо (1972), К. Редей (Redei 1963a, 1968, 1974) и других.

Вопрос о вокализме непервых слогов, впервые поставленный Ю. Вихманном, получил дальнейшее развитие в работах ряда ученых: Д. Лако (Lakó 1934), В. И. Лыткина (1964, 1970a, 1973, 1975б), Ф. Мольнара (Molnár 1974б, 1974a, 1976), Т. Микола (Mikola 1979) и других.

Усилиями целой плеяды ученых была восстановлена прапермская и праудмуртская система гласных (Wichmann 1915б, Бубрих 1929, 1948, Лыткин 1964, Itkonen 1954, Harms 1967, Кельмаков 1978в), проведена периодизация истории удмуртского языка (Кельмаков 1976a), объяснена природа и история удмуртского ударения (Itkonen 1956, Лыткин 1965, 1970б, Тараканов 1959, Кельмаков 1979, Денисов 1986), объяснены причины возникновения и развития отдельных фонетических процессов и исторических звукоизменений в удмуртском языке (Лыткин 1972, 1973, 1975a, Тараканов 1960, 1964, 1967a; Бушмакин 1968, Тепляшина 1971a). Однако в определении количества гласных в вокалической системе праудмуртского языка мнения ученых не совпадают. Ю. Вихманн (Wichmann 1915б) восстановил для праудмуртского языка те же семь гласных фонем, которые характерны для большинства коми и удмуртских диалектов, Д. В. Бубрих (1929: 19) и американский лингвист Р. Хармс (Harms 1967: 167—168)—8, В. К. Кельмаков (1978в: 33)—9. В качестве восьмого гласного у разных ученых выступают различные фонемы — ö — у Д. В. Бубриха, откры-

тое о или э — Р. К. Хармса. У В. К. Кельмакова фонемы $\ddot{o}$ (-e) и о, функционирующие в современном удмуртском языке, исторически не являются прямыми продолжателями фонетически идентичных им праудмуртских * $\ddot{o}$ (*e) и *о. По его мнению, обе они в ходе своего исторического развития подверглись существенным фонетическим изменениям, а именно: * $\ddot{o}$ > $\ddot{e}$ (* $\ddot{o}$ > e), * $\ddot{o}$ > о (* $\ddot{o}$ > o), * $\ddot{o}$ > у (* $\ddot{o}$ > u) (Кельмаков 1978в: 33—34). Кроме того, в праудмуртском языке существовала лабиализованная фонема $\ddot{u}$ (u) среднего ряда верхнего подъема, функционирующая ныне лишь в периферийно-южных говорах удмуртского языка.

Система консонантизма удмуртского языка также разрабатывалась усилиями различных ученых. Наиболее значительной в области консонантизма является монографическая работа финского ученого Т. Утилы (Uotila 1933a, 1935), в которой производится реконструкция состава согласных фонем, анализируется их история в различных удмуртских и коми диалектах и устанавливается их дистрибуция. Частные вопросы исторического консонантизма освещались также в работах Д. В. Бубриха (1948), А. И. Емельянова (1927), в статьях Ю. Вихманна (Wichmann 1915a), А. Пенттиля (Penttilä 1927), Д. Лако (Lakó 1962) и др. История отдельных согласных освещалась также при рассмотрении эволюции прафинно-угорских звуков в родственных языках. Таковыми, в частности, являются работы Т. Утилы (Uotila 1935), Д. Лако (Lakó 1962), В. К. Кельмакова (1986) и других.

Вопросы исторической морфологии впервые получили отражение в середине XIX века в монографических работах Ф. И. Видеманна (1851, 1884). В дальнейшем проблемы исторической морфологии разрабатывались главным образом в трудах венгерских и отечественных ученых советского периода. Из финских ученых вопросами исторической морфологии занимался лишь Т. Утила (Uotila 1933b, 1936, 1945).

Многочисленные публикации по исторической морфологии можно объединить вокруг двух разделов: 1) удмуртского словообразования, 2) формообразования и словоизменения различных частей речи.

Удмуртское суффиксальное словообразование разрабатывалось в работах К. Медвецки (Medveczky 1911—1912), Э. Беке (Beke 1952; 1953), Д. Р. Фокош-Фукса (Fokos-Fuchs 1912—1913) и К. Редей (Rédei 1961). Данный вопрос получил освещение и в работах отечественных удмуртоведов: В. И. Алатырева (1957a, 1959a, 1959b, 1962, 1972, 1976), И. В. Тараканова

(1967в, 1975, 1982), В. К. Кельмакова (1969б, 1971, 1972а); Р. Ш. Насибуллина (1972а). В 70-е годы по данной проблеме была опубликована обобщающая работа венгерского ученого М. Кевеши (Kövesi 1965).

В области формообразования и словоизменения наибольшее количество работ посвящено рассмотрению падежных окончаний имен существительных. Они анализировались в работах Э. Беке (1911, 1911—1912, 1952, 1953, 1957), Т. Е. Уотилы (Uotila 1945). Э. Васойи (Vászolyi 1967, 1968б, 1968а), Д. Р. Фокош-Фукса (Fokos-Fuchs 1906, 1912—1913); личнопритяжательные суффиксы были предметом исследования В. И. Алатырева (1970), Э. Васойи (Vászolyi 1967), суффиксы множественного числа -jos — в статьях В. И. Лыткина (1931), И. Д. Дмитриева-Кельды (1928), Б. А. Серебренникова (1963), К. Редеи (1963б), вопросы происхождения местоименных форм и их падежных окончаний — в работах К. Е. Майтинской (1979), Т. Уотилы (1936); грамматические категории глагола — в работах Д. Лако (Lakó 1973, 1974), В. И. Лыткина, И. В. Тараканова (1967, 1984), В. Г. Калашниковой (1954); суффиксы деепричастий — в монографии П. Н. Перевощикова (1959), статьях Д. Р. Фокош-Фукса (Fokos-Fuchs 1958), Л. И. Калининой (1984, 1986) и в диссертации А. Ф. Шутова (1979). Служебные слова — послелогии, частицы, союзы и междометия — стали предметом исследования в работах К. Редеи (Rédei 1962), В. Кельмакова (1969в, 1970), В. Г. Калашниковой (1974, 1976), И. В. Тараканова (1974), В. И. Алатырева (1948, 1949); К. Е. Майтинской (1982).

Обобщающей работой в области исторической морфологии была монография Б. А. Серебренникова «Историческая морфология пермских языков», опубликованная в 1963 году в г. Москве, в которой впервые делается попытка цельного и систематического изложения истории различных грамматических категорий двух родственных коми и удмуртского языков.

Одним из слабо разработанных вопросов удмуртского языкознания является исторический синтаксис. Как в зарубежной, так и отечественной лингвистике в этой области нет обобщающих работ. Имеющиеся исследования затрагивают лишь отдельные вопросы удмуртского синтаксиса. В зарубежной лингвистике можно назвать лишь единичные работы. Среди них статья Антала Клема (Klemm 1912) и книга финского исследователя Г. Стипы (Stipa 1959). Из отечественных удмуртоведов впервые на синтаксис обратил внимание П. Н. Перевощиков, написавший серию статей (1949, 1952, 1955, 1957, 1959); причастные и иные отглагольные, изафетные конструкции и суб-

стантивные словосочетания анализировались в работах Л. И. Калининой (1969, 1973, 1975а), В. М. Вахрушева (1965, 1970, 1973, 1984а, 1984б), Г. А. Ушакова (1981, 1986), А. Ф. Шутова (1979, 1984). По отдельным вопросам синтаксиса опубликованы также небольшие брошюры П. Н. Перевощикова (1963), Г. А. Ушакова (1977), Р. И. Яшиной (1963, 1975, 1981), диссертационные работы В. Г. Калашниковой (1974), А. Ф. Шутова (1979).

В удмуртском языкознании довольно широкое освещение получили вопросы языкового контактирования. В частности, индоиранские заимствования подверглись анализу в монографических работах Б. Мункачи (Munkácsi 1901), А. Йоки (Joki 1973), в статьях В. И. Лыткина (1951, 1953 и др.). Булгарские и татарские заимствования стали предметом исследования в монографиях Ю. Вихманна (Wichmann 1903), М. Р. Федотова (1968), И. В. Тараканова (1981б, 1982) и в статьях Х. Паасонена (Paasonen 1902), М. Рясянена (Räsänen 1935, 1946, 1955, 1969), К. Реден и А. Рона-Таша (Rédei, Róna-Tas 1972, 1975, 1980), Ш. Чуча (Csúcs 1979—1980), В. И. Алатырева (1965), В. К. Кельмакова (1968, 1969в, 1970, 1972б, 1974б, 1975а; 1975б).

Русские заимствования рассматривались в работах Б. Мункачи (Munkácsi 1884), П. Н. Перевощикова (1963), В. И. Алатырева (1958), Ш. Чуча (Csúcs 1970—1972) В. К. Кельмакова, А. А. Алашеевой (1981, 1986).

Происхождение удмуртских слов анализировалось и продолжает анализироваться как зарубежными, так и отечественными лингвистами. В этой области уже накопилось довольно большое количество этимологических этюдов и исследований. Они оказали большую помощь В. И. Лыткину и Е. С. Гуляеву при составлении ими «Краткого этимологического словаря коми языка» (М., 1970). Указанные этимологические разработки широко использовались и В. И. Алатыревым при составлении удмуртского этимологического словаря. К сожалению, эта плодотворная работа прервалась ввиду преждевременной смерти его автора. Рукопись В. И. Алатырева, доведенная до буквы д, осталась неопубликованной.

В удмуртском языкознании определенные успехи достигнуты и в области разработки вопросов ономастики. В этом особенно велики заслуги Т. И. Тепляшиной (1965, 1967б, 1967а, 1968, 1969а, 1969б, 1969г, 1969д, 1969е, 1970а, 1970б, 1971г, 1971в, 1972, 1975), М. Г. Атаманова (1975а, 1975б, 1976, 1980, 1982, 1983). По данному вопросу имеются отдельные статьи К. Герда (1928), С. К. Бушмакина (1970а, 1970б; в), С. В. Со-

колова (1969), В. К. Кельмакова (1973а), Л. В. Вахрушевой (1980, 1983). В работах, касающихся вопросов ономастики, анализируются история развития личных имен, воршудных названий, разрабатываются этимологии топонимов и отдельных топонимов.

Из всего вышеизложенного видно, что за последние три десятилетия удмуртские диалектологи и историки языка достигли значительных успехов в деле изучения и описания удмуртских диалектов и в объяснении происхождения отдельных языковых явлений: защищены 8 кандидатских и 1 докторская диссертация, опубликованы 3 сборника статей, 3 сборника текстов с образцами диалектной речи, опубликовано множество статей по материалам диалектов, обновлена и отпечатана научная транскрипция на основе русской и латинской графики, ежегодно проводятся диалектологические экспедиции в различные области распространения говоров удмуртского языка. При этом запись диалектных текстов производится в фонетической транскрипции на слух или магнитофонную ленту.

В области исторической фонетики и грамматики опубликовано большое количество статей и обобщающих работ: «Историческая фонетика удмуртского языка» Д. В. Бубриха (1948), «Историческая морфология пермских языков» Б. А. Серебренникова (1963), определенные успехи достигнуты и в области изучения исторической лексикологии и ономастики: опубликованы 1 монография, 1 учебное пособие для студентов (Тараканов 1981б, 1982), 1 сборник статей (1980).

Вместе с тем следует отметить, что в области исследования диалектов и изучения исторической грамматики, фонетики и лексики имеется еще ряд существенных недостатков и упущений. К ним, в частности, относятся: 1) отсутствие опубликованных монографических работ по тем или иным диалектам, за исключением книги Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (1970а), и словаря В. Л. Крылова по глазовскому наречию (1919); 2) отсутствие единства мнений о диалектном членении удмуртского языка. Одни ученые делят диалекты на 2 наречия — северное, южное или 3 — северное, южное и периферийное; другие склонны видеть в удмуртском языке 4 наречия — северное, южное, периферийно-южное (юго-западное) и бесермянское. Такое несоответствие мнений объясняется, с одной стороны, недостаточной изученностью их и в какой-то мере отсутствием научно обоснованных критериев, так как одни классифицируют удмуртские диалекты по составу гласных (Кельмаков 1976), другие, наоборот, по составу согласных (Тепляшина 1976а). На наш взгляд, при диалектном членении удмурт-

ского языка необходимо учитывать целый комплекс фонетических, морфологических и лексических различий территориальных диалектов, так как удмуртские говоры отличаются друг от друга главным образом своими фонетическими и лексическими особенностями; 3) к числу недостатков следует отнести также то, что на территории Удмуртии не установлены четкие границы распространения отдельных диалектов и говоров. К тому же в названиях их существует разнобой: в наименованиях одних диалектов и говоров лежит название административной единицы (говоры удмуртов Кизнерского района (Загуляева 1982а), говоры удмуртов Увинского и Вавожского районов (Зверева 1982), граховские говоры южноудмуртского наречия (Атаманов 1981)), в наименованиях других — названия крупных или малых рек (ср.: верхнечепецкие говоры (Алашеева 1982), прикильмезские говоры (Загуляева 1982), кырыкмасские говоры (Кельмаков 1981, 1982), диалекты Закамья и Урала (Насибуллин 1981). Т. И. Тепляшина, например, южноудмуртское наречие подразделяет на несколько групп: камско-вятское, завятское, закамское, прикское, которые в свою очередь состоят из ряда говоров. Например, камско-вятская группа состоит из говоров: кырыкмасских среднеижских, нижнеижских (варзинских), тойминских, умякских, верхневалинских, люгинско-пыжманских; завятская — кукморских, шошминских; закамская — верхнетаныпских (татышлинских), среднетаныпских (буйско-таныпских, ташкичинских) и канлинского говора. Нам кажется, что отсутствие единства в названиях диалектов и говоров затрудняет их восприятие. Поэтому необходимо придерживаться при наименовании диалектов и говоров какого-либо одного принципа.

В настоящее время перед удмуртскими диалектологами стоят весьма большие и ответственные задачи, требующие безотлагательного решения.

1. Прежде всего, необходимо продолжить и более интенсивно вести дальнейшее собирание диалектных текстов во всех регионах распространения удмуртского языка, ибо в настоящее время происходит как никогда быстрое сглаживание диалектных различий. Этому, с одной стороны, способствует широкое распространение удмуртского литературного языка и, с другой, сказывается все возрастающее влияние русского языка и развитие двуязычия среди удмуртского населения, особенно в условиях смешанных рабочих поселков городского типа. В настоящее время относительно чистая диалектная речь сохранилась в небольших деревнях, которых, к сожалению, из года в год остается все меньше и меньше.

2. Собранный лексический материал по отдельным областям распространения диалектов необходимо разложить на карточки и приступить к созданию общего картотечного фонда по диалектной лексике, а затем составить и издать сравнительный диалектологический словарь удмуртского языка. Наряду с этим следует проводить работу по составлению диалектологических словарей по отдельным регионам, необходимо также выработать единую систему вопросников и отпечатать серию рисунков для определения названия того или иного предмета и его картографирования.

3. Предварительно установив область распространения диалектов и говоров, необходимо широким фронтом приступить к монографическому описанию их особенностей. Начинать эту работу можно с публикации диссертационных работ. Наряду с этим следует продолжить выпуск отдельных сборников по диалектологии, как это делается в настоящее время.

4. Издав серию сборников-очерков, наконец, можно будет окончательно очертить границы распространения диалектов, составить и опубликовать диалектологическую карту.

5. Неотложным является также изучение механизма языковых изменений в условиях центральных усадеб типа рабочих поселков, где происходит смешение и контаминация различных диалектных единиц, с одной стороны, и развитие новых, ранее нехарактерных языковых черт во всех уровнях системы грамматического строя и фонетики под влиянием все возрастающей роли русской речи, с другой.

В области изучения истории языка также имеются существенные пробелы: 1) до сих пор совершенно неизученным остается такой важный раздел грамматики, как синтаксис; 2) недостаточно ведется работа по выяснению этимологии слов и составлению удмуртского этимологического словаря; 3) требуют пересмотра и иного, более глубокого и всестороннего объяснения с учетом данных разных звуков и фонетических явлений, а также происхождение и развитие отдельных грамматических категорий: категории наклонения, времени, вида и залога, категории состояния, аналитические формы выражения грамматических значений), функции и значения звукоподражательных, изобразительных и модальных слов и т. д.

Историкам языка необходимо приступить к созданию обобщающих работ по исторической фонетике, морфологии и синтаксису, первостепенным также является составление исторической лексикологии и этимологического словаря удмуртского языка, выявление механизма языковой интерференции, вызванной влиянием контактирующих тюркских и русского языков.